

4) анд., марг., кок. *b̄r̄yān̄mān* > *b̄r̄yān̄p̄nān* // литерат. *боряпман* // самарк. *бэрпман* // ташк. *b̄r̄yātman* > *b̄r̄vām̄mān* // наманг. *b̄r̄rut̄m̄mān* «я (в данный момент) иду».

Нам кажется, что приведенных примеров уже достаточно для решения проблемы диалектной основы узбекского литературного языка. Между тем вокруг этого вопроса ведутся бесплодные дебаты, в которых наука совершенно не нуждается. Выводы, сделанные под давлением фактов, всегда оказываются более убедительными, чем различного рода домыслы. Несомненно, что ташкентский и ферганский городские говоры — это основа литературного узбекского языка.

В. В. Решетов

ЕЩЕ РАЗ О ДВУХ ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

За последние 10—15 лет в нашей науке о языке получила широкое распространение так называемая теория двух путей развития сложного предложения, наиболее четко и, кажется, впервые сформулированная в посвященной этому вопросу статье А. П. Рифтина¹. Теория эта, как известно, заключается в том, что в ходе исторического развития языка, помимо создания сложного гипотактического предложения путем объединения ряда простых («первый путь»), возможно было возникновение его в рамках простого предложения путем преобразования содержащихся в последнем оборотов с глагольными именами в придаточные предложения («второй путь»). В настоящее время эта теория излагается не только в исследовательских работах, в частности по русскому синтаксису², но и в учебной литературе³.

Между тем столь широкое использование «теории двух путей» в том виде, в каком она изложена в статье А. П. Рифтина, и особенно безоговорочное приложение ее к истории синтаксического строя индоевропейской группы языков во многом является результатом недоразумения: использующие эту теорию исследователи как бы не обращают внимания на то, что статья А. П. Рифтина аргументирована главным образом шумерским и древнесемитским материалом, а в качестве параллелей даны некоторые факты из палеоазиатских, монгольских и дальневосточных языков; индоевропейского языкового материала в статье нет совсем, и правомерность своих выводов для языков этой группы автор никак не доказывает.

Кроме того, говоря о «втором пути», автор не различает случаев, в которых глагольные имена перерастают в сказуемые придаточных предложений, никак не меняя своей формы, и случаи, в которых обороты с глагольными именами заменяются придаточными с личным глаголом в сказуемом. Поэтому он обосновывает свою теорию как материалами, например, глянцного языка, в котором глагольные имена непосредственно играют роль сказуемых придаточных предложений, так и материалами древнесемитских языков, в которых величико-глагольные обороты, по мнению автора, предшествовали образованию придаточных, а собственно придаточные предложения строятся только со спрягаемым глаголом⁴. Между тем дифференциация этих двух явлений совершенно необходима для решения вопроса о применимости указанной теории к индоевропейским языкам, так как в последних, как известно, глагольные имена непосредственно роли сказуемых в придаточных предложениях не играют, в связи с чем далеко не вся аргументация А. П. Рифтина оказывается для них действительной.

Проверка теории двух путей развития сложного предложения на основе индоевропейского языкового материала очень важна еще и в связи с тем, что А. П. Рифтин в своей статье применительно ко всем эпохам и всем языкам оперирует одними и теми же категориями — «предложение», «простое предложение», «сложное предложение». В зависимости от эпохи и от языка эти категории могут по-разному взаимодействовать и сочетаться друг с другом, но в работе А. П. Рифтина содержание их всегда остается одним и тем же. Между тем анализ языкового материала показывает, что сами понятия

¹ См. А. Р и ф т и н, О двух путях развития сложного предложения в академическом языке, сб. «Советское языковедение», т. III, Л., 1937.

² См., например, Н. С. П о с п е л о в, О грамматической природе сложного предложения, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 327.

³ См., например, Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 268.

⁴ См. А. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 66.

«предложение», «простое предложение», «сложное предложение» имеют применительно к древним индоевропейским языкам совершенно особое содержание, внутренне, качественно отличное от того, которое мы привыкли в них вкладывать, говоря о языках современных.

I. Основные особенности древнего индоевропейского предложения

1. Индоевропейское предложение характеризовалось несравненно большей, чем в современном языке, самостоятельностью его членов и преобладанием в отношении между ними согласования, а главным образом аппозиции и примыкания, над управлением. Это предложение, бывшее предложением простым, не знало управления одних своих членов другими или уточнения знаменательных слов относящимися к ним служебными; все это ослабляло единство, централизацию и упорядоченность предложения. Именно такое состояние обнаруживается в старших памятниках ряда древних индоевропейских языков, дающих исходный материал, эволюцию которого нам в дальнейшем надо проследить. Чтобы представить себе этот начальный тип предложения, разберем одну фразу Гомера.

В «Илиаде» (VI, 375) рассказывается, что Гектор, вернувшись после совета в доме Приама к себе и не найдя Андромахи, «стал на пороге и так говорил прислужницам-женам» (μέτ' ἔδ' ἀμείβεται ἔειπεν). В этой фразе глагольная форма ἔειπεν отличается от русского «говорил» тем, что является несравненно более автономной, замкнутой в себе единицей речи. Эта форма — не член правильной парадигмы в ряду других личных и временных форм, как русское «говорил», и не требует подлежащего так, как его требует русский глагол (не говоря уже о еще гораздо менее самостоятельном аналогичном глаголе в современных западноевропейских языках); «говорил» в обычных условиях не может стать высказыванием без указания на лицо, выполняющее действие, ἔειπεν же образует законченное высказывание и без какого указания.

Не менее автономной оказывается и форма ἀμείβεται. Ее русский эквивалент «прислужницам-женам» представляет собой дополнение, падежная форма которого зависит от управляющего глагола и находится с этим глаголом в теснейшей синтаксической связи. ἀμείβεται же — падежная форма, объединяющая в себе дательное и местное значения, выражает не столько «объект», внешнюю точку приложения глагольного действия, сколько представляет собой указание на те обстоятельства, ту среду, в которой протекало действие глагола, и непосредственно от глагола никак не зависит¹. Ясно, что в этих условиях синтаксическая связь между глаголом и существительным в греческом подлиннике является несравненно более свободной, чем в русском переводе.

Наконец, μέτ' — отнюдь не служебное слово, уточняющее знаменательные, каким оно может показаться на современный взгляд. Оно не является в строгом смысле слова ни предлогом, ни глагольной приставкой. Это — фразовое наречие, автономная форма, относящаяся ко всему предложению в целом и локализирующая факты, в нем сообщенные, в пространстве².

Ряд фактов древнеиндийского, древнерусского, латинского и других языков показывает, что автономия слов и преобладание аппозитивных связей над управлением есть черта не толико гомеровского, но и вообще древнего индоевропейского предложения. Еще А. А. Потебня показал, что для передачи самых разнообразных отношений, которые позже выражались подчиненными придаточными предложениями или гипотактическими синтаксическими конструкциями, в древних языках широко применялись группы из двух аппозитивно поставленных имен, весьма свободно соединенных друг с другом. В приводимом Потебней ведическом предложении *punitane sōmam Indrāna*

¹ Это положение хорошо сформулировано А. В. Десницкой, писавшей, что природа древнейшего, в том числе и древнегреческого, глагола характеризуется тем, что «первичная непереходность не исключает сопряженности действия с определенным объектом; но характер этой сопряженности действия с объектом не представляет собой, однако, „переходности“, предполагающей направленность действия на объект. Это скорее конкретизация значения глагольной основы с помощью той или иной именной основы» (разрядка моя. — *Л. К.*). И далее: «Первичная „непереходность“... допускала возможность определения, конкретизации выражаемого глагольной основой действия с помощью тех или иных именных основ, и игравших первоначально самостоятельную роль» (А. В. Десницкая, Из истории развития категории глагольной переходности, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербя (1880—1944)», [Л.], 1951, стр. 139, 141).

² Ср. J. Damourette et E. Pichon, *Dès mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française*, t. I, [Paris, 1927], стр. 281—283.

pātavē (буквально: «готовьте сому Индре питью») стоявшие рядом в дательном падеже слова *Indrāna* и *pātavē* выражают содержание упорядоченного, подчиненного главному, придаточного предложения (примерно: «...чтобы Индра мог ею напиться»), не будучи в то же время никак подчинены ни друг другу, ни остальным словам в предложении. Распространение этих так называемых «двойных падежей», широко представленных и в других древних языках, Потевня связывает именно с автономией слог в древнем простом предложении. «Гораздо легче и потому первообразнее, — пишет он, — поставить два одинаковых падежа для выражения одинаковой самостоятельности вещей, чем падеж с родительным или ...два падежа с различными предлогами для выражения определенных отношений между этими вещами»¹.

2. В пределах индоевропейского предложения отсутствовало четкое формальное разграничение предикативных и аппозитивных отношений.

В современном предложении с его строгой централизацией определительные отношения, устанавливаемые между наименованиями предмета и его качества, образующими единое предметное понятие, в корне противоположны отношениям предикативным, при установлении которых приводится в связь два различных понятия. В условиях автономии слов, характерной для индоевропейского предложения, эта противоположность должна была быть несравненно менее четкой. Увеличение независимости какого-либо слова, обозначающего признак, по отношению к другому слову, обозначающему носителя признака, естественно приводит к превращению первого из составной части данного единого понятия в самостоятельное понятие, свободно взаимодействующее с другим и его характеризующее, смещает его, другими словами, от атрибута к предикату. В свете сказанного приобретает особое значение отмечавшееся выше преобладание в древнем индоевропейском предложении аппозиции (приложения) над другими видами синтаксических связей. «Наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов. Поэтому под относительной самостоятельностью приложения следует понимать его большую предикативность сравнительно с собственным определением» (разрядка моя. — *Л. К.*)². Проанализируем соответствующий пример.

В эпитафии Люция Сципиона, написанной архаическим латинским языком III века до н. э., есть фраза *filiius Barbati, consul, censor, aedilis hic fuit apud vos*, в которой явно имеется (см. выделенное) ряд однородных членов. Между тем нет возможности их воспринять их все как предикативы («он был среди вас консулом, цензором, эдилом, сыном Бородатого») — явно бессмысленно, ни понять их все как приложения: в предикативности слов *consul, censor, aedilis* все же трудно усомниться. Специфика этого предложения в том и заключается, что оно отражает синтаксические нормы, резко отличные от современных, но бывшие на ранней ступени развития индоевропейского предложения универсальными: в определенных случаях в одних и тех же членах предложения могли совмещаться и значения приложения к подлежащему и значения именной части сказуемого без определенной их дифференциации. Благодаря равноправию и автономии слов, входящих в предложение, не существует еще разницы между основным сообщением, высказанным о подлежащем, — «был консулом, цензором, эдилом» и второстепенным его уточнением — «сын Бородатого».

Сохраняется это положение еще и в классической латини в конструкции так называемого «второго именительного». Ср.: *Superioris anni munitiones integrae manebant?* (Caes. B. G. 6, 32.5) «Сохранились ли в т р о н у т ы е укрепления прошлого года?», «Укрепления прошлого года сохранились ли в т р о п у т ы м и?»; *Tarquinius duobelli legitur* (Liv. I, 54, 2) «Был избран в о с н а ч а л ь н и к Тарквиний?», «Тарквиний был избран в о с н а ч а л ь н и к о м?» В практике чтения мы, разумеется, не сомневаемся в том, какой из этих вариантов выбрать; не возникало, очевидно, недоуменности в процессе общения и у римлян, но сама грамматическая форма, отражающая особенности предшествующего этапа в развитии строя предложения, еще не выражает этого различия.

Древнерусское *избраша Кира царя* и т. п. древнегреческое *ἔλεγον ἡρώδη κατὰ σκῶτος* показывает, что описанное неразличение аппозиции и предиката характерно не только для латинского, но и для ряда других древних индоевропейских языков.

3. Индоевропейское предложение характеризовалось отсутствием четкого противопоставления субъектно-предикативных и аппозитивных групп в рамках предложения.

Эта особенность древнего предложения непосредственно вытекает из двух предыдущих: как из того, что предикативная характеристика субъекта не обособлена от второстепенной, в частности, от аппозитивной его характеристики, так и из той само-

¹ А. А. Потевня, Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 210.

² Там же, т. I — Введение, Воронеж, 1874, стр. 129.

стоятельностью членов предложения, о которой говорилось выше. В качестве примера используем следующее место из Лаврентьевской летописи: *По разбъиши же явльи богъ вътроумъ великимъ разрази столъ, и есть останок его промежу Ассира и Вавилона... и в ѿба многа хранимъ останокъ*¹. В приведенном примере причастие *хранимъ* совмещает в себе черты и определения (в смысле: «остатки», сохраняющиеся много лет); употребления бесчленных причастий в атрибутивной функции в летописях, как известно, не редкость, и сказуемого (в смысле «и много лет сохраняются эти остатки»). Таким образом, становится весьма затруднительным решить вопрос, является ли данное словосочетание аппозитивной синтаксической группой («и находясь эти остатки его между Ассирией и Вавилоном, остатки, сохраняющиеся в течение многих лет») или предложением («и находятся эти остатки его между Ассирией и Вавилоном, и много лет сохраняются эти остатки»). Союз *и*, стоящий перед интересующим нас выражением, ничего для решения этого вопроса не дает, так как в летописях, как известно, союзы широко употребляются эксплетивно. Дело заключается даже не столько в трудности признания данного выражения синтаксической группой или особым предложением, сколько в отсутствии в самом древнем строе речи достаточно четких границ между этими двумя формами в том случае, когда они встречаются в составе одного предложения.

Эта особенность предложения не является чертой только древнерусского синтаксиса. Она широко представлена и в ряде других древних индоевропейских языков. Так, известна тенденция латинской фразы, особенно в устной и эмоциональной речи, распадаться на маленькие самостоятельные рядоположенные элементы, в которых атрибутивные и аппозитивные отношения часто неслучайны от сказуемых, а синтаксическая группа — от предложения. Рассмотрим, например, следующее предложение Цицерона: *Itaque ante diem tertium Ides Novembres, quum Sacra via descenderem, insectus est me cum suis; clamor, lapides, fustes, gladii, haec improvisa omnia: discersimus in vestibulum Tettii Damionis* (Att. IV, 2, 3). «Так вот, когда я, в третий день перед ноябрьскими Идами спускался по Sacra via, он со своими людьми двинулся за мной; (поднялся) крик, (полетели) камни, (обнажились) мечи, (пошли в ход) налки, такое все неожиданное (все это так неожиданно?); мы отступили во двор Теттия Дамона». Вряд ли можно с уверенностью сказать, представляет ли собой подчеркнутое выражение атрибутивную или предикативную группу. Такие примеры весьма нередки. Подобные явления отмечаются несловователями и в санскрите².

Мы видим, таким образом, что во многих древних индоевропейских языках различие между аппозитивной группой, т. е. второстепенным синтаксическим сочетанием в пределах данного предложения, и субъективно-предикативной группой, т. е. придаточным предложением, которое, входя в состав данного высказывания, делает его сложным целым, практически было в ряде случаев весьма слабо выражено. В связи с этим можно сделать нижеследующий вывод:

4. Индоевропейское предложение, оставаясь простым по форме, могло становиться эквивалентом сложного (прежде всего, за счет широкого использования оборотов с глагольными именами).

Выше уже указывалось, что для древнего предложения были характерны большая автономия членов, преобладание аппозитивных связей, близость аппозиции и предиката. Эти черты в своей совокупности приводили к тому, что, например, в славянских языках, те или иные слова, в частности причастия, стоявшие в аппозиции к подлежащему предложения, как бы уравнивались в правах с глагольным сказуемым и могли даже соединяться с ним союзом. Так, в Остромировом евангелии (Ю. XIX, 13) читаем: *Пилатъ... изведъ вън Ниса и сбеде на СЖици*. Так же и в древнерусском: *Прикатиши Олга и рече им (НВЛ, стр. 41); Ивъяславъ же и Ростиславъ загадавша и развехастася* (Ипат. лет., л. 44) и т. д.

В ряде случаев такие аппозитивные причастия могли иметь при себе свой субъект, отличный от подлежащего личного глагола, и образовывать в пределах данного простого предложения как бы еще одну субъективно-предикативную группу. Многочисленные примеры таких конструкций собраны А. А. Потебней. Ср.: *Андрей же то слышавъ и бысть обрва лица его потукнѣл* (Ипат. лет., л. 109); *И та еса створивъ азъ, рече Игорь, неостойноу ми блаети эситу* (там же, л. 131); *Аскольъ же и Диръ придоста и выскава же еси прочи из лодя, и рече Олгъ Асколду и Дирови* (НВЛ, стр. 16). Все три приведенные предложения — простые. Включение в их состав аппозитивных групп, представляющих собой в охарактеризованных выше условиях древнего синтаксиса построения, промежуточные между предложением и членом предложения, придает каждому из этих высказываний значение сложного целого.

¹ См. «Повесть временных лет», ч. 1, М. — Л., 1950, стр. 10 (в дальнейшем ссылки на это издание даются прямо в тексте в сокращенном виде — ПВЛ).

² Ср. К. Brugmann, Zur Geschichte der Nominalsuffixe -as-, -jas- und -zas-, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», Bd. XXIV, 1879, стр. 36—37.

Нельзя считать случайным, что во всех приведенных примерах в аппозитивной функции выступает причастие. Именно причастия, как и нелично-глагольные формы, вообще объединявшие в себе черты имени и глагола, входя в подобные синтаксические группы, увеличивали их предикативное содержание, приближали их к предложению и потому использовались особенно охотно и широко там, где нужно было в форме простого предложения выразить содержание сложного целого. В ту эпоху, когда язык еще не располагал развитыми средствами для отделения второстепенной мысли от главной и для подчинения первой из них второй, именно этой способностью неличного глагола выражать содержание неоднократного сообщения в пределах простого еще предложения и объясняется неоднократно отмечавшееся исследователями преимущественное распространение неличных глагольных форм в древних языках в аппозитивной функции.

Простые предложения, которые при помощи нелично-глагольных аппозитивных групп становятся как бы формой сложного синтаксического целого, широко распространены не только в древнерусском, но и в других древних индоевропейских языках. Для древнегреческого примером могут служить хотя бы стихи 210—211 из III песни «Илиады»:

στάντων μὲν Μενέλαος ὑπείραχεν εὐρέας ὤμους ἀμφὸν δῖ' Ἰσομένω γέρας ἄ τερος ἔεν
Ὀδυσσεύς

«Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;

Сидя же вместе (буквально: оба же сидящие), почтеннее был Одиссей благородный».

Подчеркнутая аппозитивная группа настолько независима в синтаксическом отношении от всего остального предложения, что по смыслу вполне может быть воспринята как придаточное предложение. В греческом языке была возможность строить предложение без личного глагола, из одних имен, в связи с чем разница между такой группой и безглагольным вводным предложением переставала ощущаться.

В еще более ясном виде выступает эта черта синтаксической структуры древних индоевропейских языков в латинских памятниках. В «Анналах» Тацита (XI, 1) есть, например, такая фраза (речь идет о жене императора Клавдия — Мессалине):

Valerium Asiaticum, bis consulem, fuisse quondam adulterum eius [=Poppaeae] credidit, pariterque hortis inhians, quos ille a Lucullo coeptos, insignia magnificentia extollebat, Sullium accusandis utrisque immittit

«[Мессалина] решила, что дважды консул Валерий Азиатик был некогда любовником Поппеи; кроме того, она завидовала садам Азиатика, которые он, продолжая дело, начатое Лукуллом, украшал с невиданным величием; [по этим причинам она] подсылает Суллию, чтобы он обвинил их обоих» (т. е. Азиатика и Поппею).

Это сложное предложение формально состоит из главного с двумя сказуемыми (*credidit immittit*) и придаточного относительного (*quos... extollebat*). По сути дела, однако, каждое из этих предложений выражает содержание сложного целого. В главном предложении сказано не только, что Мессалина думала что-то об Азиатике и о с л а л а куда-то Суллию, но также и то, что Азиатик, по ее мнению, б ы л любовником Поппеи, что она сама з а в и д о в а л а садам Азиатика, что Суллиий был подослан ею для того, чтобы он о б в и н и л обоих (Азиатика и Поппею). В большинстве своем эти дополнительные предикации потребовали бы в современном языке лично-глагольного оформления, переросли бы в придаточные, и одно главное предложение Тацита стало бы целым сложным высказыванием. В латинском тексте этого не происходит именно потому, что, в соответствии с описанными выше нормами древнего синтаксиса, эти предикации не требуют лично-глагольного оформления, а выражаются именными формами, т. е. входят в состав одного данного предложения в качестве его второстепенных членов. То же самое происходит в приведенном примере и в придаточном предложении, где в форме о д н о г о предложения скрыто д в е коммуникации (Азиатик у к р а ш а л сады, и сады эти б ы л и з а л о ж е н ы Лукуллом), но только первая из них оформлена как сказуемое.

Все отмеченные до сих пор особенности древнего предложения, как мы видели, связаны друг с другом и как бы вытекают одна из другой. Именно в своей совокупности и взаимосвязи они придают древнему предложению ту совершенно особую структуру, которая резко отличает его от предложения современного.

5. Суммируя все указанные особенности древнего индоевропейского предложения, можно сказать, что в нем само сообщение не отделялось четко от деталей, его уточняющих; что в нем отсутствовало ясное выражение подчиненности этих деталей главному сообщению; что, следовательно, как это уже и отмечалось в научной литературе по различным другим поводам, древнее индоевропейское предложение характеризовалось отсутствием подлинного единства и централизации.

Весь приводившийся выше материал подтверждает, повидимому, справедливость этого взгляда. Ограничимся поэтому одним примером не столько для подтверждения, сколько для пояснения данной мысли.

В Ипатьевской летописи (л. 251—251 об.) читаем: *Мьстиславу же вбравашю словесемь его и ч[е]стью великою почтивъ его и Звенигородъ дастъ ему*. В этом простом предложении содержится три формы, выражающие действие: *вбравашю, почтивъ и дастъ*. Судя по их форме, они содержат информации разной степени важности и самостоятельности. Первая из них, причастие в дательном падеже, образуется со словом *Мьстиславу* абсолютный оборот, т. е. эквивалент придаточного, и тем самым, казалось бы, явно не может быть главным сказуемым. Вторая глагольная форма — аппозитивное причастие, стоящее либо в именительном падеже, либо вышедшее из форм согласования, — тоже вряд ли может быть признана самостоятельным сказуемым, хотя, как указывалось выше причастия такого типа были в древнем языке несравненно ближе к спрягаемому глаголу, чем сейчас. Наконец, лично-глагольная форма *дасть* в наибольшей степени может быть принята за самостоятельное, главное, сказуемое. Установленная таким образом иерархия глагольных форм противоречит, однако, тому, что все они соединены союзами и образуют ряд однородных членов предложения. Не следует забывать наконец, что все эти формы относятся к одному субъекту, падеж которого (дательный) тоже заставляет сомневаться, имеем ли мы здесь дело с главным подлежащим. Представляется очевидным, что подобное построение отражает такую ступень развития предложения, на которой оно еще не располагало развитыми средствами отделения главного сообщения от комментариев к нему и подчинения последних первому.

Теперь, разобрав специфические черты древнего индоевропейского предложения, мы можем обратиться к проверке того, насколько справедливо усматривать в его дальнейшей эволюции «первый» и «второй» из намечаемых А. П. Рифтиным путей развития сложного предложения.

II. Паратаксис и гипотаксис

(«Первый путь развития сложного предложения»)

Происхождение современного сложного предложения с его развитой системой подчинительных средств из ряда простых, формально никак между собой не связанных высказываний, т. е. происхождение гипотаксиса из более древнего паратаксиса, в настоящее время может считаться доказанным. Эта теория подтверждена огромным фактическим материалом, принимается почти всеми исследователями, пишущими по вопросам сравнительного синтаксиса и исторического синтаксиса отдельных языков. Для А. П. Рифтина и следующих за ним ученых это как раз и есть «первый путь развития сложного предложения». При этом складывается впечатление, что создание гипотаксиса понимается прежде всего, а подчас и исключительно как механическое объединение ряда простых высказываний в одно сложное, что все дело сводится к выработке аппарата подчинения и к оформлению при помощи него тех же самых простых высказываний, которые прежде входили в паратактический ряд.

Между тем сопоставление древнего индоевропейского предложения со всеми его перечисленными выше характерными чертами с современным предложением, обнаруживающим определенное единообразие в пределах современных русского, французского, английского и других родственных языков, показывает, насколько односторонне представление о становлении гипотаксиса как о прошедшем некогда простом объединении древних независимых предложений. Части современного предложения, построенного на основе гипотаксиса, — это не старые простые предложения, объединенные системой подчинительных средств, это — синтаксические величины, внутренне, сами по себе глубоко отличные от охарактеризованных выше древних простых предложений. Это внутреннее отличие простого предложения, бывшего некогда составной частью древнего паратактического ряда, от предложения, являющегося составной частью современного гипотаксиса, касается прежде всего следующих двух моментов.

Во-первых, древнее предложение при включении его в паратаксис внутренне никак не менялось и не утрачивало характерных черт самостоятельного предложения. Напротив, в современном языке «составные части сложного предложения нельзя рассматривать как отдельные предложения, а только как взаимосвязанные и поэтому несамостоятельные элементы единого синтаксического построения»¹. Этой стороне современного сложного предложения уделялось в последнее время много внимания в науке о языке, и вряд ли она требует специального развития и аргументации.

¹ Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 336.

Отличие древнего предложения — члена паратактического ряда — от современного предложения — члена гипотаксиса имеет, однако, и еще одну сторону, в меньшей степени привлекающую обычно внимание исследователей. В современном языке самостоятельные предложения и составные части гипотаксиса при всей разнице между ними имеют и ряд общих черт: и те и другие представляют собой субъективно-предикативные единицы, содержащие только одну коммуникацию, вокруг которой сгруппированы и которой подчинены все остальные элементы, входящие в такую единицу. И тем и другим незнакомы, или почти незнакомы, те разобранные выше черты, которые составляли специфику древнего простого предложения. И в тех и в других слова не представляют собой взаимонезависимых, автономных единиц, а объединяются при помощи различных синтаксических связей в определенные компактные словосочетания; и в тех и в других аннозитивные и определительные связи формально отграничены от связей предикативных и, соответственно, в предложении есть субъективно-предикативный центр, вокруг которого объединяются элементы, уточняющие основную мысль и подчиняющиеся ей. Короче говоря, современное предложение — как независимое, так и входящее в состав гипотаксиса, за редкими исключениями, представляет собой централизованную систему, взаимодействующие и взаимосвязанные части которой уточняют и иллюстрируют одну, в данной ситуации наиболее существенную, коммуникацию. Именно эта централизация и внутреннее единство отсутствовали, как мы видели, в древнем индоевропейском предложении, бывшем чаще всего клубком мало дифференцированных и неясно увязанных коммуникаций.

Переход от паратаксиса к гипотаксису и предполагал прежде всего придание предложению централизации и внутреннего единства. Не развившийся постепенно аппарат объединяющих и подчинительных средств, связующих ряд простых высказываний в одно сложное, обеспечил переход от паратаксиса к гипотаксису, а, наоборот, растущая потребность в отделении главного сообщения от второстепенных деталей и в подчинении последних первому обеспечила рост централизации и единства предложения, что проявилось, между прочим, в выработке аппарата подчинительных средств.

Сопоставление разобранного выше древнего индоевропейского предложения с современным (русским, французским и им подобным) показывает, что развитие от паратаксиса к гипотаксису вовсе не сводится к объединению простых высказываний в сложное. Оно заключалось в переходе от старого принципа автономии отдельных слов, синтаксических групп и целых предложений к новому строю предложения, проявившемуся прежде всего в приведении его членов в отношения взаимной зависимости и подчинения и лишь между прочим предполагавшего распространение этого принципа на паратактические ряды простых, мало друг с другом связанных предложений. Паратактичность — это общий характер древнего строя речи, реализующийся, в частности, в разобранных выше свойствах индоевропейского предложения. Гипотактичность — столь же общий принцип современной грамматической структуры (по крайней мере, в языках вроде русского, французского и других им родственных). Эволюция предложения в индоевропейских языках и заключалась в постепенном переходе от первого из этих принципов ко второму.

Мы видим, таким образом, что «первый путь развития сложного предложения», о котором говорит А. П. Рифтин, в индоевропейских языках действительно существует. Только заключается он совсем не в том, что те же простые предложения, которые прежде не соединялись друг с другом совсем или соединялись сочинительными связями, теперь приводятся в отношении подчинения, не в «соединении двух простых предложений на базе сочинения», из которого «вырастает в дальнейшем подчинение»¹. Развитие от паратаксиса к гипотаксису заключается в переходе от предложения со слабой централизацией и единством к предложению, которое насквозь едино и централизовано и поэтому располагает аппаратом подчинительных связующих средств, объединяющих как слова внутри предложения, так и сами предложения в единое, подчас весьма сложное целое, в котором второстепенное отделено от главного и подчинено ему.

III. Нелично-глагольные обороты и предложение

(«Второй путь развития сложного предложения»)

Во вступительной части статьи уже указывалось, что в целом ряде неиндоевропейских языков обороты с нелично-глагольными именами могут непосредственно использоваться в качестве придаточных предложений. Такое положение наблюдается, например, в некоторых языках Севера нашей страны и в отдельных языках Кавказа². Вполне естественно поэтому, что применительно к таким языкам можно говорить о развитии сложноподчиненного предложения «...изнутри простого предложения через обороты, упомянутые выше, которые в итоге также дают соединение двух предложе-

¹ А. П. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 66.

² Ср. А. А. Б о к а р е в, Синтаксис аварского языка, М.—Л., 1949, стр. 69—80.

ний)¹, т. е. о «втором пути развития сложного предложения»². Такого положения нет, насколько можно судить по изученным материалам, ни в одном индоевропейском языке. Здесь нелично-глагольные обороты были вытеснены, заменены придаточными с личным глаголом в сказуемом, а не переросли в них. Тем не менее значение аппозитивных оборотов с глагольными именами в развитии предложения огромно, только сторонники теории «двух путей» характеризуют это значение весьма неточно и видят его не совсем там, где оно находится.

Нелично-глагольные аппозитивные обороты в большинстве древних языков могли быть инфинитивными и причастными. Инфинитивные обороты с винительным или именительным падежами во всех древних и новых языках весьма далеки от самостоятельного предложения и настолько явно не перерастают в него, что рассмотрение их в этом плане мало что дает. Напротив, абсолютные причастные конструкции, с их многообразными синтаксическими функциями, с их способностью играть роль независимых предложений, фактически находящихся с другим, лично-глагольным предложением в отношениях сочинения, с их формальным совпадением в некоторых языках с независимым предложением скорее могли бы быть причислены к числу предложений, развивающихся по так называемому «второму пути». Между тем именно история абсолютных конструкций предельно ясно показывает, что нелично-глагольные обороты сыграли в индоевропейских языках роль не формы развития сложного предложения, а лишь определенного этапа в этом развитии.

Абсолютная причастная конструкция или начисто отсутствует, или встречается весьма редко в наиболее архаичных памятниках древних индоевропейских языков; ее употребительность возрастает и достигает максимума в классические периоды развития тех же языков. Так, на всю «Илиаду» приходится лишь 46 оборотов этого рода, на всю «Одиссею» — 32, тогда как в аттической прозе абсолютные генитивы встречаются буквально на каждом шагу. В «Русской Правде», в «Слове о полку Игореве» абсолютных оборотов нет совсем, а в Ипатьевской летописи, например, они встречаются до 11 раз на каждый печатный лист. В так называемом «Постановлении сената о вакханалиях» 186 года до н. э. абсолютных причастий нет, а в произведениях Пезаря, Тита Ливия, Тацита они отмечаются по 50—70 раз на каждый печатный лист. При этом растет не только употребительность давних оборотов; нормы их построения и использования в предложении становятся гораздо более четкими при переходе от архаических текстов к классическим. Вслед за расцветом абсолютной конструкции начинается, однако, ее упадок, проявляющийся и в сокращении употребительности оборотов, и во внутреннем их разложении. Поздние латинские, ранние новогреческие тексты и памятники русского языка XVII—XVIII вв. свидетельствуют об этом. Лишь в наши дни в некоторых западноевропейских языках абсолютные обороты переживают как бы вторичный расцвет что связано, однако, с полным их внутренним переосмыслением и к нашей теме прямого отношения не имеет.

Аппозитивные группы других типов, в частности инфинитивные, переживают во многом сходный процесс развития: как и абсолютные обороты, они широко распространены в древних индоевропейских языках, затем переживают глубокий упадок или отмирают совсем и в новое время опять распространяются в некоторых языках уже на совсем иной основе.

Чем объясняется, что нелично-глагольные аппозитивные обороты, на которых основан намеченный А. П. Рифтин «второй путь развития сложного предложения», эволюционирует таким образом? Ответ на этот вопрос также следует искать в разбившихся выше особенностях древнего индоевропейского простого предложения. Мы видели, что в этом предложении главное сообщение и субъектно-предикативные группы его оформляющие, не были четко отграничены от второстепенных деталей и аппозитивных групп. Становление централизованного предложения начинается с дифференциации главного и второстепенного сообщений и оформления способов выражения этой дифференциации.

Первоначальный этап этого процесса и связан с широким распространением аппозитивных оборотов с глагольными именами. Выше (см. раздел I, п. 4) мы видели, что эти обороты органически связаны с не централизованным характером старого предложения. Однако наряду с этим нелично-глагольные обороты представляют собой первичное средство к преодолению неупорядоченности древнего предложения. Формальные различия между личным глаголом, сочетающимся с субъектом в именительном падеже и дающим ему предельно полную предикативную характеристику, и глагольным именем, могущим сопрягаться также с субъектом в косвенных падежах и обладающим весьма ограниченными предикативными возможностями, были использованы для дифференциации главного сообщения (со сказуемым — личным глаголом) и второстепенного (с предикативным членом — глагольным именем). Расцвет отглагольных оборотов в древних языках и приходится на тот период, когда предложение еще настолько нецентрализовано, что может содержать в себе ряд субъектно-предикативных групп,

¹ А. П. Рифтин, указ. соч., стр. 66.

² Там же.

промежуточных между членом предложения и придаточным, и уже настолько сильно тяготеет к централизации, что стремится использовать структурные особенности этих групп для формальной дифференциации главного и второстепенного высказываний.

В процессе дальнейшего развития отглагольные обороты, теснейшим образом связанные с архаическим строем предложения, начинают разлагаться и переходят в простые члены предложения или заменяются придаточными предложениями. Подлинная централизация предложения успешно доводится до конца уже более совершенными средствами: группировкой лично-глагольных придаточных вокруг главного предложения и все усложняющейся системой союзов. Распространение оборотов с глагольными именами в их исконной только что описанной функции, таким образом, исторически резко ограничено. Эти обороты давали возможность выразить неравноправность двух сообщений, объединяемых в одном сложном высказывании; они показывали, какое из этих сообщений является главным, а какое — зависимым; но уточнить характер этой зависимости и стать полноценными современными придаточными эти обороты не могли.

Аппозитивные обороты с отглагольными именами, таким образом, связаны с определенным первоначальным этапом в становлении сложного централизованного предложения. В дальнейшем они не развиваются в глагольные придаточные, а заменяются ими, что только и обеспечивает подлинную централизацию и единство предложения.

IV. Выводы

Все сказанное дает, по видимому, возможность сформулировать следующие основные выводы.

1. «Простое предложение» и «сложное предложение» — понятия соотносительные. Их противопоставление всецело оправдано для современного языка. Оно утрачивает свой смысл для индоевропейского языка-основы, в котором не было сложных предложений, а следовательно, не было и простых, в обычном современном понимании этих терминов. Древнее предложение обладало рядом особых черт, делавших противопоставление сложного и простого предложений недействительным.

2. Древнее индоевропейское предложение в корне отличалось от современного отсутствием в нем подлинного единства и централизации, что проявлялось в большой автономии слов, в преобладании аппозитивных связей над управлением, в отсутствии четких границ между аппозитивными и субъектно-предикативными группами и, в частности, в способности древнего простого предложения становиться при помощи аппозитивных групп, промежуточных между предложением и членом предложения, формой сложного высказывания.

3. Теория «двух путей развития сложного предложения», говорящая об объединении простых предложений в сложные, о возникновении сложных предложений изнутри простых, основана, — по крайней мере по отношению к индоевропейским языкам, — на перенесении в древность современного противопоставления сложного и простого предложений. Исследование специфических черт древнего индоевропейского предложения показывает, что следует пересмотреть традиционное понимание как «первого», так и «второго» путей развития сложного предложения.

4. Сущность перехода от паратаксиса к гипотаксису (так называемый «первый путь») заключается не в «соединении» двух простых предложений на базе сочинения¹, а в том, что мало централизованное предложение, состоящее из относительно мало связанных друг с другом слов и синтаксических групп, превращается в единое предложение, в котором второстепенные детали отделены от главного сообщения и подчинены ему. Выработка аппарата подчинительных средств, связующих ряд предложений в единое сложное целое, есть лишь одно из частных проявлений этого общего процесса.

5. Так называемый «второй» путь развития сложного предложения в индоевропейских языках не существует, так как обороты с глагольными именами в этих языках не становятся придаточными (которые всегда тяготеют к лично-глагольной форме), а заменяются ими. Роль оборотов с глагольными именами заключается в выражении ими определенного этапа в процессе централизации предложения: они выступают в древних индоевропейских языках как одна из начальных форм отделения главного сообщения от второстепенного и выражения их неравноправия; позднейшие фазы этого процесса связаны уже с лично-глагольными придаточными и с союзным подчинением.

Г. С. Кнабе

¹ См. А. Рифтин, указ. соч., стр. 66